

| СОДЕРЖАНИЕ |

ЖИЗНЬ	7
ШАХТА	32
ДОРОГА	74
ХОЛОД	96
КОНТРАБАНДА	109
ОДНИ	156
ЗАПРАВКА	176
КОНТАКТ	189
ЛУЧ	222
ОТЪЕЗД	281
ПЛЕННЫЕ	297
ДИТЯ	310
РАБОТЯГИ	321
ДОМОЙ	343

ЖИЗНЬ

Теперь у него была белая “пятёрка”. Жизнь получилась странной, словно не подготовился к уроку, проснулся от этого в дурном настроении, нарочито неспешно брёл в школу по снежной грязи, противно ныло в животе, на оклик одноклассников с другой стороны улицы не откликнулся, за сто метров до школы свернул во дворик, решил прогулять весь день, но и прогул не задался — блукал без дела, ранец становился с каждым часом тяжелей, плечи ломило, ноги промокли, томился, хотел есть, а денег не было, пытался найти монетку возле дальних магазинов — и повезло, но тут же подошёл такой же, как он, прогульщик, только на две головы выше и без ранца, со слюнявым губастым ртом, ехидно улыбаясь, сказал: “Это я выронил — давай сюда”; пришлось отдать скользкий полтинник, обещавший чай и пирожок; потом, за автобусной остановкой, долго смотрел в темноту, оглушённый и уни-

женный, в глаза падал снег, на остановке вели какой-то несусветный разговор мужчина и женщина, не слыша друг друга — словно оба были глухими; домой всё не шёл, зная, что там хворая мать; когда к вечеру, озябший и голодный до противной, предобморочной тошноты, всё-таки явился, та была напугана: оказывается, в школе отменили уроки, — ждала сына весь день, и даже приготовила курицу, — а его всё не было, и курицу сожрал старший брат, оставил только горлышко и смятое крыло.

Такой вот странной оказалась жизнь, вся.

В профтехучилище выяснилось, что у него руки перекосяк, в армии — что его бьют чаще, чем остальных, хотя остальных тоже били. Однако его били не только старослужащие, но и собственный призыв, хотя как сказать — били; так, издевались, понукали, отыгрывались — каждый за своё, но ведь у него тоже своего было предостаточно, ему бы тоже отыграться на ком-нибудь, — но у него для этого никогда не хватало зла и задора, — а ведь его почти уже подружку затащили в чужую кровать даже не через год, и не через полгода армеечки, а в ночь после проводов, и явившийся на присягу старший братан про всё это, гогоча, рассказал, а мамка явиться была не в силах, и вообще скоро померла, — на похороны его отпустили, но потом пришлось вернуться в часть, и никто не взял во внимание, что у него горе, что матери больше нет, и его всё так же изводили и гоняли, а брат тем временем разменял родительскую квартиру, и сам остался жить в центре, а вторую хатку, для младшенького, приобрёл в пригороде, в барачном доме.

Туда и вернулся с армии.

Соседи были вечно пьяны, непрестанно дрались и орали, день с ночью не различая, — откуда столько сил: он им даже завидовал.

Вкуса обиде добавляло то, что старший брат — не служил; мать, пока была здорова, откупила и отмазала его, — а младшего уже не смогла: все деньги подчистую уходили на лекарства; и та жареная курица была едва ли не единственной за несколько лет материнской болезни.

Мать пожила бы побольше, но, едва его призвали, ухода за ней не стало никакого.

Старший не то, чтоб свёл её в могилу, — но не попридержал на земле точно.

Однако вёл себя при этом так, будто, пока младший прохлаждался, — он тянул на себе мать, как проклятый. И вообще манера общения у старшего была такая, словно он и не косил ни разу — а оттянул и срочку, и ещё года три по контракту, причём в “горячей точке”, хотя никаких горячих точек тогда уже не было: одни уже выкипели, а другие только закипали.

Вокруг тоже дымилось: одни кричали про самостийность, другие про иуду генсека, третьи лечились мочой, четвёртые повсюду видели жидов, пятые затосковали и тихо ползали, как зимние мухи.

Соседи по бараку начали стремительно вымирать, словно у них закончился подзавод.

Зато откуда-то объявилось множество казаков; все бородатые, ядрёные; старший брат тоже записался в казачество, но ему быстро прискучило. Там, оказывается, дуван не делили, но, напротив, постоянно собирали деньги на нужды войска.

Перестав ходить на круг, старший продолжил что-то, как это тогда называлось, предпринимать исключительно для себя. Задачи у него были не из сложных, и легко делились на три составляющие: купить что-нибудь подешевле, продать это же подороже, не быть убитым на первом и втором этапе сделки; повторить всё заново.

Младший и не заметил, как их городок, и весь район, и область тоже переселились, не съезжая с места, из огромной страны — в страну поменьше; впрочем, тоже огромную.

Теперь он стал украинцем, хотя вроде был русским — по крайней мере, мать считала себя русской, а папашу они не застали — но брат, конечно же, пока казаковал, уверял своих атаманов, что их род — древний, запорожский, и казак он — наследственный.

— Из запорожских армян, — шутила подружка брата, хабалистая большезада баба.

К младшему она относилась так же, как и брат: с ленивой брезгливостью.

С год после армии младший избегал и брата, и его борзых товарищей, и эту хабалистую подружку тоже.

Но потом брат объявился сам — он повзрослел и как-то, что ли, очеловечился, — позвал младшего на работу: возить, грузить, договариваться, разруливать те вопросы, что попроще; пытался всучить оружие — но младший отказался:

— В армии стрелял один раз, никуда не попал, и не хочу никуда попадать.

— Всё у тебя, бля, так... — разогнался было старший, но тут же оборвал себя; младший ему был нужен: он не хотел делиться с чужими, один компаньон его

уже чуть не убил, второй едва не посадил, третий все-рьёз подставил, жена — он успел жениться на своей хабалке — насоветовала втянуть младшего, чтоб в случае чего его и посадили.

Младший об этом скоро догадался, и при случае брату намекнул. Тот встал, как в душу раненый, посреди дороги и распахнул обиженный рот:

— Чтоб я — свою кровь — своего брата — и сдал? Ты сдурела, Маня? — старший считал возможным так его называть: в женском роде и Маней. — А как я матери в глаза смотреть стану?

— Какой матери? — не понял младший.

— Нашей матери!

Потом всё как-то сладилось, поплыло, похлюпывая; более того: хабалка подсунула младшему брату свою подружку. Подружка была в разводе, имела трёхлетнюю вечно больную капризную дочку, зато жила в своей двухкомнатной квартире с балконом.

Всё было подано так, что младшему, наконец, устроили жизнь.

Он женился на этой, старше его на два года, подружке, с дочкой и квартирой; свадьба была шумная и невнятная; гостей он не знал ни по именам, ни в лицо.

Дочка хронически не давала им совокупляться — ночью, на любое мало-мальское шевеление, вдруг приползала из своей комнаты и стояла у кровати, ожидая, когда мать запустит её под одеяло; если молодожёны запирались в ванной — визжала и билась о дверь головой с размаху; хотя какая там голова — с кошачью.

...вечно болело в паху, как у подростка.

Давал жене понять: мол, болит; она смотрела на него, как на конченого негодяя: ты ещё и недоволен чем-то? Может, тебе ребёнок мешает? Наш ребёнок?!

Однажды ответил тихо: "...с чего наш-то? — у неё отец есть..."

Его обозвали "животным", пришлось долго спать на раскладушке.

Жена простила, так уж и быть, на третью неделю, дав измученным голосом поручение — съездить к чёрту на кулички забрать ковёр, приобрела в долг; кстати, долг тоже надо было вернуть.

Ковёр оказался тяжёлым как танковая гусеница. Денег на такси не было — их и на ковёр-то едва хватило. Тащил его с какого-то склада километра два до трамвая, потом с трамвая до дома ещё километр.

Жили на четвёртом этаже, без лифта.

Думал, умрёт.

Почти плакал.

Сорвал спину.

Вся одежда была натурально сырой.

Думал: жена как-то отблагодарит хоть в этот вечер.

Она до полуночи пылесосила ковёр, потом рассматривала его и гладила рукой. Наконец, легла под одеяло и спросила проникновенно: "Скажи, красивый?" — он сипло согласился. Жена, довольная, тут же заснула. Даже приобняла его.

Семья!

Как она забеременела, он и не понял.

Ребёнок родился хлипкий.

Дочка новорождённого ненавидела.

Всерьёз боялся, что она его загубит.

Отцовские чувства пробуждались медленно; росли криво.

Здесь явился бывший муж.

Оказалось, что бывший муж никого не бросал, и не уехал в Россию навсегда, а сидел там в тюрьме, и тосковал по семье, ни о чём не догадываясь.

Развод, пока сидел, оформили за взятку; правда, из квартиры выписать его так и не смогли.

Жена несколько лет подряд всерьёз думала, что всё как-то обойдётся.

Ему ведь дали восемь лет, по особо тяжкой. В двадцать три бабьих года — восемь казались огромным сроком: была уверена, что на четвёртом десятке она в старуху уже обратится. Но явился он в её двадцать шесть, освобождённый условно-досрочно: так скоро, будто никуда и не уходил.

— Слушай, нам надо поговорить, — сказала жена второму мужу — и таким тоном, будто он был виноват во всём произошедшем больше всех.

— Далеко не убрёдай, — велел первый, только что вернувшийся из тюрьмы, муж. — Потом я с тобой побазарю... А то дальше поминки у тебя, так и не познакомимся.

...вышел во двор, на детскую площадку; впервые в жизни подумал о самоубийстве: как всё-таки хорошо — висеть здесь удушенным, под деревьями.

Уехал к себе, в барак; квартира отсырела по углам; за отошедшими обоями шуршали тараканы, по матрацу тоже что-то ползало.

Но заснул с удовольствием, крепко.

Мог бы запить — но ещё до армии понял, что с алкоголем у него нелады: всякий раз жутко блевал, и следу-

ющий день лежал в лёжку. Травку курил иногда, но тоже в меру, и без того удовольствия, что испытывали, скажем, однополчане.

Обещанного разговора не случилось. Он заглянул к бывшей только раз, дней через десять: забрать какие-то документы и вещи. Возле самой двери, уже поднявши руку к звонку, вдруг услышал, как страстно кричит жена.

Ей было хорошо.

Некоторое время стоял, оцепенев. Потом, тихо ступая, пошёл с четвёртого этажа вниз: ни о чём не тоскуя, никого не жалея.

Документы восстановил понемногу сам.

Одёжки старший брат подкинул.

Пока, раскрыв шкаф в прихожей, брат выбирал из вещей и обуви, что ещё годится в носку, его хабалка нудела, стуча ножом на кухне и говоря о младшем в третьем лице:

— А чего он его пустил, уголовника? Мужик он или кто? Сказал бы: теперь я здесь живу, вымётывайся!

Она-то с самого начала знала, что муж подружки сидит; но братьев вовремя не оповестила.

Старший в это время раздражённо искал второй ботинок не новых, но крепких берцев.

Взвесив тот, что держал в руке, поднялся и, прямо через весь длинный коридор, запустил в жену. Загрохотала посуда, жена умолкла.

— Нашёл второй? — спросил брат. — Ага, давай.

Младший молча и бесстрастно передал.

Старший с уверенным замахом бросил вослед вторым берцем.

Брак с бывшей женой расторгли за такой же величины взятку, что и заключили.

Однажды она сама привезла вещи; показала сына; была в кои-то веки без претензий, и одета неплохо.

В подаренных братом берцах проходил год-другой.

Сын подрастал; они виделись, и даже возникло что-то вроде дружбы: гараж, рыбалка, то-сё.

Потом и собственная машина появилась: брату отдали долг белой “пятёркой”.

До того “пятёрка” простояла в гараже, кажется, лет двенадцать — и была совершенно необъезженной, хоть и с лёгким запахом затхлости, словно в ней хранили бельё.

У брата, который так и не разбогател, но более-менее держался на плаву со своей “ипэшкой”, уже имелись две личные машины, плюс ещё одна — записанная на хабалку; да и не сел бы старший никогда на “пятёрку”.

В общем, подарил младшему, и даже не в счёт зарплаты, как предлагала ему жена, — а так.

— Тебе ж сорок лет, — напомнил старший.

И правда: ему было сорок.

“Это, что ли, и есть жизнь?” — подумал он.

Это и была жизнь.

Катал сына на машине.

Завёл себе щенка: кто-то подбросил к сараям напротив дома — пожалел, что замёрзнет, забрал покормить; тот и прижился. Длинноухий — видимо, полукровка какой-то охотничьей породы.

На прогулку хозяин набивал себе карманы мелко порезанной колбаской. Приучал ко всяким командам. Пока была колбаса — щенок слушался и смотрел влюблённо, снизу вверх.

Потом — вмиг — убежал.